

МЫ ПОМНИМ ВАС...

Лица национальных гениев и героев хранятся в народной памяти, как в музее. Они всегда на виду. Их разглядывают в школьных учебниках, привыкают с детства к десяткам и сотням известных лиц. И есть и другие лица. Они хранятся как бы в запасниках этого музея, их узнавали при жизни только родные, друзья. Их - несметное множество. Их узнаваемые никем, кроме родных и близких, прямоугольнички чьих-то фотографий - это миллионы кирпичиков в фундаменте нашей памяти. Они - известные солдаты в нескончаемой битве жизни и смерти, имя которой История. 65 лет прошло с начала Великой Отечественной. Но осталась память, остались треугольные письма, фотографии...

Сегодня я перечитываю письма 45-го года. В них, пожелтевших от времени, в каждой строчке любовь к Родине, такая боль за землю и такая ненависть к врагу, такое сжирание.

Вспоминается щемящий момент, когда ученица принесла на урок литературное письмо своего погибшего солдата. Уже от того, как прикасалась де-даль солдатскому треугольнику, вложен-ному в конверт, с которой она читала, веяло в семье благоговейным отноше-нием к памяти погибшего воина...

Многих дней Победы после 1945-го года всего запомнился один из юбилеев, в 1975-м. Фронтовики тогда наде-ли медали, но потом как-то посте-пенно перестали, спрятали в сундуки и ко-моды. Может быть, просто захотели поско-нчиться к мирной жизни, забыть о

проклятой войне. Так вот, в 1975-м они вновь надели ордена.

Я тогда работал учителем в средней школе одного из сел Октемберянского рай-она и никогда не забуду, как вдруг увидел у нашего завуча орден Славы и орден Кра-сного Знамени, а у учителя истории вось-милетней школы соседнего села на груди просто места не осталось, куда еще ме-даль цеплять. Тогда мне стало понятно, что победа на поле боя не гарантирует победу на поле жизни.

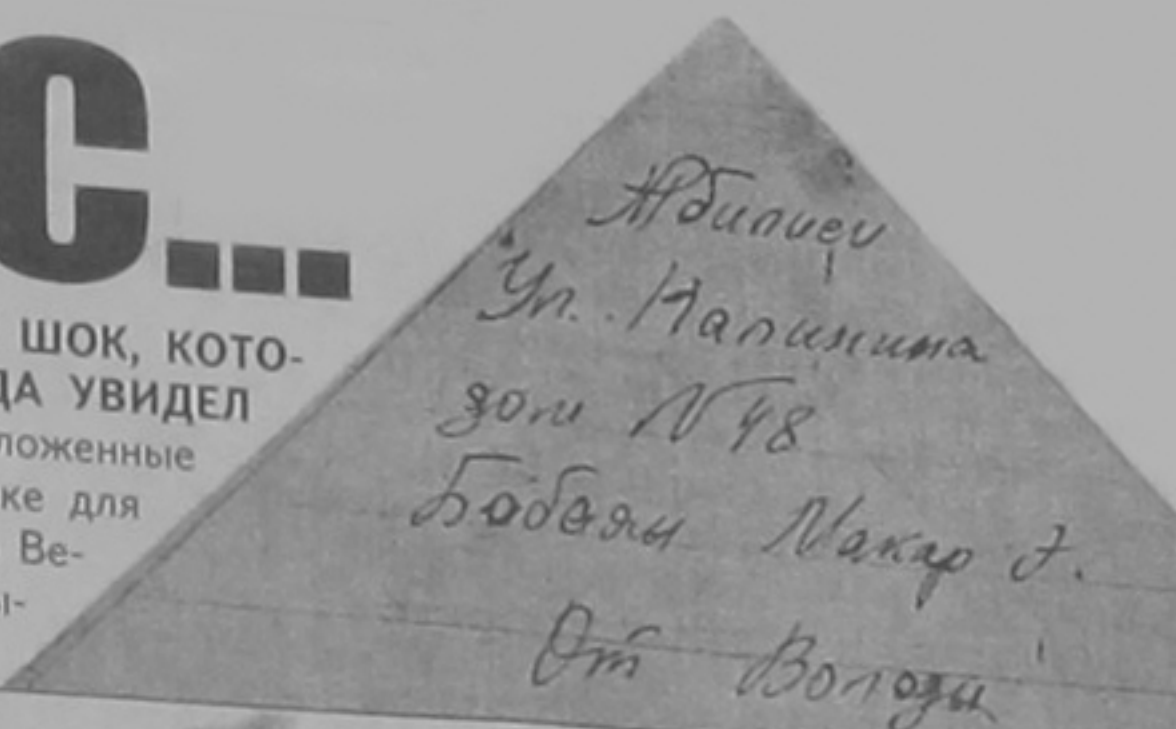
Потом прошли и 40, и 50 лет. Ордена уже больше не снимались, а ветеранов ста-новилось все меньше. Что поделаешь - пе-чальный закон жизни. Но печально было и другое. Вместе с годами и ветеранами ухо-дило что-то очень важное, дорогое в пони-мании. По чьей-то глупости отменили, а по-том восстановили праздник Победы, и от все-го этого хамства остался крайне непригляд-ный осадок.

И ЕЩЕ Я ПОМНЮ ШОК, КОТО-РЫЙ ИСПЫТАЛ, КОГДА УВИДЕЛ ОРДЕНА И МЕДАЛИ, уложенные

в ряд на какой-то тряпке для продажи на ереванском Вер-нисаже. Это не уклады-валось в голове: продажа крови, мужества, геро-и-ства? Сегодня, увы, объявления о купле и прода-же наград стали привычными и ни у кого не вызыва-ют шока.

А однажды я впервые услышал пьяный вопль, что лучше бы нас за-воевали фашисты - мы бы тогда пи-ли от пуза бавар-ское пиво и заку-сывали гамбургс-кими сосисками.

Сегодня и этот шок прошел, сегодня и этого пива - хоть немец-кого, хоть япон-

ского - стало действительно от пуза. Но при-шло новое потрясение: юные и наглые скин-хеды уже не первый год в Москве отмечают день рождения Гитлера. И можно сколько угодно ужасаться, сколько угодно воскли-цать - как?! Такое в стране, истерзанной фа-шизмом?! Такое в стране, разгромившей фа-шизм?! Да, такое. И это ужасно. Но, может быть, это ужасно только для военно-после-военного поколения?

СЕГОДНЯ МАЛО КТО ПОМНИТ 22 ИЮ-НЯ, МОЛОДЕЖЬ УЖЕ НЕ ЗНАЕТ НИ СТА-ЛИНА, НИ ГИТЛЕРА. Сегодня вообще мир сходит с ума, сегодня реальная война вы-глядит виртуальной, телевизионной. Но это ощущение обманчиво. Пусть наши дети, вну-ки и правнуки не знают горя, не ведают стра-ха, не поддаются печали. А мы будем все-гда помнить славных героев по старым се-мейным фотографиям и пожелтевшим сол-датским треугольникам.

Я вспоминаю отца, который 29 июня ушел добровольцем на фронт. Я вспоминаю брата моего деда, Героя Советского Союза, генерал-майора Амаяка Бабаяна. Я вспоми-наю брата отца, старшего лейтенанта Рафи-ка Оганезова, который 20-летним парнем по-гиб в Берлине 11 мая 1945 года, моего дво-юродного брата Марикова Володю, которо-го я знаю только по фотографиям, так как он погиб в Австрии весной 45-го.

Я вспоминаю маму, которая расска-зывала, как после работы вместе с бабу-шкой они ночами вязали для фронта но-ски и навзрыд плакали в день смерти Ста-лина. Я никогда не забуду, что "22 июня, ровно в четыре часа..."

Лев ОГАНЕЗОВ